

Соб 5 73

Сколько стóит рай в шалаше?

Материал «Семья: от зарплаты до зарплаты» читайте на стр. 4.

РАБОТНИЦА

10/88

ФОТО АНАТОЛИЯ ЖМУЛЮКИНА

КФ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал Комитета советских женщин и Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов

Основан 8 марта 1914 года

ОКТАБРЬ 1988

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС
«ПРАВДА»

В НОМЕРЕ:

СЕМЬЯ: ОТ ЗАРПЛАТЫ ДО ЗАРПЛАТЫ	4
Проблемный репортаж ДОМОХОЗЯЙКА НА РАБОТЕ	8
Крупным планом КАПИТАН СВОЕЙ СУДЬБЫ	10
Рассказ КОНЦЕРТ В САН-ФРАНЦИСКО	13
Операция «Ступени мастерства» «ЭТО ДЛЯ МЕНЯ НЕ ЗАКОН!», ИЛИ «ШТРАФ ЗА... МАТЕРИНСТВО»	16
Открытая трибуна ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ	18
ДОМАШНИЙ КАЛЕЙДОСКОП	
Наш конкурс КТО ЛУЧШИЙ ДИРЕКТОР?	21
КиноТеатр ШУКШИНА В РОЛИ... ШУКШИНОЙ	22
Мужской разговор СКАНДАЛ ПО-НАУЧНОМУ	24
«Подружка» для взрослых «САМА ВИНОВАТА...»	28
ПОЧТА «РАБОТНИЦЫ»	30
Заметки с аукциона «Сотби» СКАЗКА О ЗОЛОТЫХ РЫБКАХ	32

© Издательство «Правда». «Работница» № 10, 1988 г.

ЧЕМ Я МОГУ ПОМОЧЬ ПЕРЕСТРОЙКЕ?

Решила написать свое мнение о перестройке. Для меня, женщины, работающей и имеющей семью, перестройка начинается с магазина. А тут положение все хуже и хуже. Постоянно что-то пропадает. Сначала пропала нормальная, доброкачественная колбаса, потом были трудности с сыром, теперь — с сахаром. О качестве вообще не говорю. Его просто нет. Об ассортименте тоже. В булочной нет конфет, вафель, печенья, пряников. Если бывают, то их мгновенно разбирают. А ведь прилавки были завалены этой продукцией. Кофе в продаже почти не бывает, какао — с пересортами, чай хороший не купишь. Это нормально?

А что в промтоварных магазинах? Полгода не могу купить простой халат для домашней работы, два года не могу купить мужу белые майки, трусы, черные тонкие носки. © ценах вообще надо говорить отдельно. У меня зарплата — 130 рублей. Из них вычитают подоходный налог и за бездетность. Сколько остается, вы догадываетесь. Могу я купить плащ за 180 руб., пальто от 300 до 500 рублей? Я уж не говорю о сапогах и остальных вещах. А ведь я молодая женщина, и мне хочется быть одетой, а не только прикрытой.

У меня нет детей. Это — несчастье, боль. Можно за это вычитать налог? Ведь это то же самое, что брать деньги с калеки за то, что он калека. Это нормально? Перестройка — это не только сокращение штатов и увольнения, но и страдание, чуткое отношение к людям.

Сейчас модно говорить: «Что ты сделал для перестройки?» Хочу спросить: «А что я могу сделать, если работаю в канцелярии? Как и чем я могу помочь перестройке?» Я всем сердцем за нее. Она мне лично очень нужна. Так, если знаете, подскажите, что я могу сделать, чтобы в магазинах появились продукты, необходимая одежда и были доступными цены.

Н. Васильева

Москва

РЕШИЛИ ЕДИНОДУШНО

На объединении «Таджикатлас» имени 60-летия СССР работают в основном женщины. Из 1280 человек — 825 имеют многодетные семьи. Больно слышать, что в наше время немало детей, лишенных материнского тепла и заботы. Поэтому всю денежную премию 1987 года, полученную коллективом за победу в социалистическом соревновании между предприятиями Министерства местной промышленности республики в размере 10519 рублей, коллектив единодушно решил перечислить на счет Детского фонда имени В. И. Ленина.

Г. Абдуллаева,

председатель профкома.

г. Душанбе

ПОЛЗАРПЛАТЫ НА КОЛГОТКИ

Быть может, повод, по которому обращаясь к вам, покажется незначительным. Но, к сожалению, и мелочи очень портят жизнь.

Моя дочь рыдает, закрывшись в спальне. Нет, не маленькая, вредная капризуля, а моя взрослая, обычно спокойная и веселая дочь. Ревет от злости, сидя на своей кровати среди кучи изорванных колготок. Собиралась на концерт, но вдруг «поползли» последние. Культурное мероприятие сорвалось. Настроение ужасное. Да и у меня не лучше. Все мои эластичные чулки также разлетелись в пух и прах.

Молодым, конечно, проще, могут на худой конец надеть брички, хоть они и не всегда к месту. А как быть женщине в возрасте, к тому же не очень худенькой? Летом еще кое-как перебежешься. А в зимние холода чем заменить эту часть туалета? Из чего в домашних условиях можно «изготовить» колготки и чулки? Подскажите. Когда же перестанут они быть дефицитом? Кроме того, цены на них слишком высоки и явно не соответствуют качеству. За месяц рвется 4—5 пар по пять рублей. А если в семье две-три женщины? Ползарплаты на колготки?

Н. Калашникова

г. Калуга

Я ОБВИНЯЮ СЕБЯ

Мне 45 лет, я мать двоих детей и бабушка двух внуков. Я обвиняю свое поколение в том, что мы вырастили страшных эгоистов, у которых сместились все нравственные основы. Оттого, наверное, в мирные годы так много сирот-детей, заполняющих государственные детдома. Мы обвиняем молодых и забываем спросить с себя. Хамим везде и всюду, приспосабливаемся, изменяем жене или мужу, ругаемся без огляда на детей. И они растут, подражая нам во всем и даже обгоняя нас. Не понимают, где любовь, а где увлечение: хочу сейчас удовольствие, а что будет завтра — не важно! Хочу — живу с семьей, хочу — разведусь. Хочу — пью, хочу — наркотики употребляю. А ведь это все породили мы своим безразличием к молодежи, равнодушием. Главное — обеспечить материально, накормить, приодеть по последней моде. Забыли только вместе почитать, обсудить события в мире, спросить ребенка о делах и заботах, о друзьях. И они ищут собеседников в других местах, не всегда усваивая добрые традиции.

Родители больше должны заниматься своими детьми, воспитывать чистую любовь и демонстрировать ее собственной жизнью. Ведь наши сыновья и дочери — будущие родители, которые не имеют права плодить нежеланных детей, больных детей. Здесь не нужен вал, стране нужны полноценные граждане, серьезные люди. Посмотрите, сколько женщин, страдающих бесплодием. Их лечит государство, посылает на курорты — огромные затраты. Причина же в большинстве случаев та, что девочки 14—17 лет после случайных связей делают аборт. Не лучше ли эти деньги потратить на пропаганду культуры половых отношений, на профилактику? И в таких вещах мы проявляем бесхозяйственность, беспечность, лень. В своих неудачах наши дети обвиняют родителей. Мы обижаемся, но чаще всего именно мы, взрослые, показали детям дурной пример, не научили их доброте, ответственности, долгу.

Л. Чумаченко

г. Донецк

Знакомство их случилось в последний день хмурого февраля. Низкое небо вдруг задымилось, понеслось куда-то с бешеной скоростью, повалил снег, и в столицу неожиданно-негаданно ворвался буран. Трамваи на Беговой остановились, словно уткнувшись в глухую стену, троллейбусы пороняли штанги, жалобно, как сквозь вату, сигналили беспомощные машины. Пешеходы прятались по магазинам и подъездам жилых домов.

С головы до ног облепленный снегом, Никитин буквально вдавился в гулко хлопнувшую за ним дверь и несколько минут слушал, как в нее свирело ломится ветер. Отдышавшись и протерев глаза, он обнаружил, что находится в помещении, отведенном для выставок московских художников. Хочешь не хочешь, а время, оставшееся от служебного поручения, приходилось провести здесь. Никитин долго отряхивал пальто в гардеробе, затем тщательно причесался у высокого зеркала и тогда уж с некоторой торжественностью направился в зал. Кроме Никитина и худенькой школьницы, что-то прилежно заносившей в блокнот, прихрамывал вдоль стены старик в клетчатом шарфе, обернутом вокруг шеи и свободным концом артистически брошенном через плечо. И клетчатый шарф, и значительные позы старика, опиравшегося на толстую клюку с монограммой, вызвали у Никитина чувство незлобивой иронии. В соседстве с тихонькой школьницей старик этот выглядел особенно комично. По стенам висели работы молодых живописцев, заключенные в выкрашенные под бронзу багеты. Около часа Никитин добросовестно переходил от нарочито примитивных портретов к аляповатым индустриальным пейзажам; наконец, он решил, что с него достаточно, и, чуть помедлив, двинулся к выходу. За окном все еще мело и вертело, но как будто без прежней ярости.

Тут как раз его притупившееся внимание привлекла картина в гладко струганной рамке. Сначала он заметил именно некрашеную рамку, а потом уж пригляделся к самому полотну. На нем был изображен расстегнувший на груди рубашу русоволосый человек, с какого-то высокого места озиравший голубоватую даль. Подойдя ближе, Никитин сообразил, что перед ним Шаляпин в расцвете своей богатырской молодости и, скорее всего, на берегу повесенному разлившейся Волги. Небольшая размером и выполненная, как показалось Никитину, недостаточно мастеровито, картина заинтересовала его сюжетом и несомненным желанием художника передать ощущение внутренней свободы и устремление к вечно и недоступно прекрасному идеалу.

Обернувшись на чей-то тихий возглас, Никитин увидел дежурную смотрительницу, сидевшую на стуле в углу.

— Лет тридцать ему... не больше... — Смотрительница как бы говорила сама с собой и повторилась, наверно, чтобы ответить на вопросительный взгляд Никитина. Оставить без внимания слова пожилой женщины показалось ему не ловким.

— У меня много шаляпинских фотографий, есть и две редкие, любительские, достались по случаю, — сказал он. — Но если судить по известным портретам, то здесь он в характерной позе и настроении... — Никитин замаялся, не зная, стоит ли продолжать.

Смотрительница тоже молчала, словно бы призадумалась. Тогда он решил, что больше она ничего не прибавит ни к своему замечанию, ни к его вежливому

КОНОЦЕРТ В САН-ФРАНЦИСКО

Виктор ПРОНИН

Рассказ

рассуждениям, и хотел идти своей дорогой.

— Сходство большое,— спохватившись, подтвердила она.— Но я видела его совсем другим... гораздо позже...

— Вы видели Шалаяпина?!— Никитин сказал ей про свое давнее увлечение — подборку фотографий и печатного материала о выдающихся певцах русской оперы и в особенности о легендарном Шалаяпине. Смотрительница глядела на него сквозь стекла очков с мягкой доброжелательностью. Сеточка мелких морщинок и седина в косе, скрученной на затылке, не могли лишить ее той милой застенчивости, которая и отличает не частую в наши дни, но несравненную привлекательность русской женщины. Тихий голос и спокойные движения маленьких сухих рук несли в себе столько участия, такта, интеллигентности, что Никитин невольно почувствовал к ней теплое, сердечное доверие. Он собрался было порасспросить ее о великом певце, но она предупредила его.

— Если вам интересно... Я ведь прослушала целый концерт Федора Ивановича... У меня и программка сохранилась,— добавила она поспешно, словно желая исключить малейшее сомнение в ее правдивости. Никитин на цыпочках побежал за стулом и через минуту сидел рядом с ней. Она опять спросила — голос ее при этом дрогнул,— не пожалеет ли он потом горячего времени, но Никитин уверял, что ни в коем случае не пожалеет, и просил не упускать ни одной подробности.

Смотрительница немного поколебалась, словно собираясь с мыслями, и начала свой рассказ с того, что в тридцать шестом году жила в Америке. Муж ее был сотрудником советского консульства в Сан-Франциско. Обстановка была очень сложная, и ей, двадцатидвухлетней, лишь изредка разрешались такие скромные развлечения, как кино или небольшая прогулка. И вот однажды, чуть свет, ее разбудила жена консула, сообщив о приезде Шалаяпина, который собирался петь в Сан-Франциско всего один концерт.

— Я школьницей еще увлеклась оперой... а тут такой случай! Раз в жизни услышать и увидеть Шалаяпина! Муж долго не соглашался заказывать билеты. В конце концов он с досадой махнул рукой и сказал, что не имеет права идти на концерт Шалаяпина, но что для женщин может быть послабление. Сколько приступов отчаянья, сколько обморочных стеснений в сердце я перенесла в тот день! Сейчас об этом вспоминаю с улыбкой... Но вот билеты наконец принесли, и мы поехали на концерт.

Огромный, многоярусный зал к нашему приходу был уже переполнен. Помню, публика собралась самая разношерстная: мужчины в визитках и в летних костюмах, дамы тоже — одни в вечерних туалетах, другие в коротких платьях... И американцы, и испанцы... то есть, скорее, мексиканцы... Кое-где даже китайцы или японцы... Слышалась иногда и русская речь — в Сан-Франциско было немало эмигрантов.

Пока мы искали свои места, кругом нас раздались хлопки и на эстраде показался Шалаяпин. Не запомнила я, кто тогда ему аккомпанировал, зато выход Федора Ивановича как сейчас вижу. Мое первое впечатление: очень большой и как-то картинно выпрямленный мужчина во фраке, с лорнетом на длинной золотой цепочке. Ну, конечно, я только позже осознала, что у этого человека поразительно благородная внешность и что редко можно увидеть такую статную фигуру. Статность, я думаю, определяется не просто правильной

осанкой. Тут главное — в сдержанном, но как бы внутренне играющем удалстве, это качество чисто национальное, русское. Раньше, наверно, легко можно было встретить такого могучего молодца — какого-нибудь вольного ямщика или озорного слободского парня, которому, как говорится, сам черт не брат. Вот и Шалаяпин шел к роляю, будто и вправду ощущал эту коренную молодецкую удаль в каждом своем движении. Он и показался мне сперва молчаливым: не верилось, что этому атлету больше шестидесяти лет. А еще он был похож... есть в Третьяковской галерее портрет одного вельможи екатеринских времен... Вот пойдите, сразу его узнаете. Лицо прямо шалаяпинское — открытое, высоколобое, с улыбкой добродушной и чуть надменной, тогда умели так улыбаться.

Немного позже я разглядела на лице артиста и нездоровую желтизну, и темные круги под глазами, и складки книзу от крыльев носа, и трагические морщины между бровями, будто оставшиеся от грима Бориса Годунова. Казалось, его гложет скрытая, но неотступная и глубокая печаль, которая и подорвала со временем некогда могучее его здоровье. Поначалу я заметила это вскользь и не придавала того значения, которое все-таки осознала позже.

Положив на роляе ноты, Шалаяпин тронул лорнет на золотой цепочке, коснулся бортов фрака и, как бы удостоверившись, что все нужное ему для выступления в полном порядке, поклонился публике. Сказать честно, я не привыкла к манере заглядывать в ноты через лорнет, такое поведение на эстраде представлялось мне излишне утонченным, «салонным». Но Федор Иванович был, очевидно, другого мнения. Он соблюдал те изысканные приемы, которые перенял в юности у артистов старшего поколения.

И вот наступила минута, которую я ждала с каким-то... священным трепетом. Шалаяпин слегка откинул голову, выдвинул вперед правую ногу... Я заметила, что там, где у большинства людей виден выступ колена, у Шалаяпина, наоборот, складка брючины прогибалась внутрь, как на измененной неустанными упражнениями ноге балерины. И такая странная особенность, такая будто бы мелочь делала весь его силуэт удивительно плавно осязаемым для глаза, как бы нарисованным одним движением кисти, без углов и изломов...

Никитин видел, что нерешительность его собеседницы сменилась горячим увлечением, даже вдохновением, если это понятие возможно отнести к простому воспоминанию. Ему вдруг представилось, что на несколько секунд к ней вернулся цветущий и нежный облик, каким он наверное был в те далекие годы.

— ...Раздались аккорды вступления, и Шалаяпин запел,— сказала она, сняв очки и глядя перед собой словно наполненными влагой глазами.— Первая вещь была старинная ария — бетховенское «Под камнем могильным»,— и исполнялась по-итальянски. Вы хотите знать о его голосе? Но кровь так шумела у меня в ушах, что я ничего не могла понять... Когда же пришла в себя, то, признаться, почувствовала разочарование. Голос Шалаяпина звучал громко, тускло, в нем проскальзывала едва заметная сипотца. Раньше я слышала его только со старых пластинок, привыкла делать скидку на всякие неприятные призывки, шипение и треск, но по многим отзывам знала, какой это был покоряюще красивый и сильный бас, и подумала с грустью: «Ничего не поделаешь, время, душевные страдания, болезни гасят даже титанические таланты...»

Пролетело несколько напряженно звенящих минут. Шалаяпин как бы преодолел мешавшую ему слабость и, по мере того как голос его лился все увереннее и ярче, он и сам будто вырвался над замершей публикой, не скрывая властного намерения подчинить ее своей артистической воле. Я почувствовала, как у меня дрожит сердце, холодеет затылок, и волосы шевелятся на голове... Пожалуй, мне больше других вещей запомнился «Старый капрал». И Глинка — «Уймись, волнения, страсти...» И, конечно, «Блоха»!

Подробнее?.. Ну, как вам объяснить — с какой трогательной, пронзительной нежностью Шалаяпин пел в «Капрале» последнюю фразу? Будто действительно стал несчастным стариком, несправедливо приговоренным к расстрелу?.. «Дай бог домой вам вернуться...» — он не допел последний слог, его оборвал резкий аккорд — выстрел! Он схватился за сердце. При еле слышных звуках фортепиано рука Шалаяпина поползла вниз, закрылись глаза, склонилась высоко вскинутая голова... Тает последний рокот аккомпанемента, рука артиста мертвенно повисает... Конечно! Добрый, честный старик капрал убит. Все были потрясены, хотя большинство в зале не понимало по-русски. А как Шалаяпин играл Мефистофеля! Он фантастически изменился... Как будто на лицо его был невидимо положен грим...

Чувствуя, что глубоко захвачен рассказом этой женщины, Никитин будто в оцепенении остановил взгляд на темном окне. И чем дольше он гляделся в белесую муть, тем сильнее обострялось и сосредоточивалось его внутреннее зрение. Ему привиделся, как в полусне, возникший из беспредельной неизвестности луч, будто ожививший, мириады распыленных и навсегда исчезнувших человеческих жизней,— он увидел огромный переполненный зал, притихший перед ярко освещенной эстрадой, и некто, похожий на странного и страшного человека, но, несомненно, не человек, в нарочито аристократическом фраке, с искривленным иронией лицом и косо летящей бровью, явился вдруг перед ним. Он услышал и голос — колющий, хлесткий, издевательски-зловещий, и этот непостижимый голос разоблачал и казнил самодовольную пошлость и бессердечное ханжество власть имущих,— ничтожество, вообразивших себя солью земли...

— Ну, а в конце программы были русские песни — «Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке» и «Эй, ухнем!».— Никитин снова взглянул в ее взволнованное лицо.— После их исполнения публика выражала свой восторг особенно бурно, с каким-то горячим и чистым воодушевлением. Но несмотря на могучую, народную силу, с какой пел Шалаяпин, в некоторых интонациях я почувствовала страшную и неодолимую тоску по России, которую великий ее сын вынужден был оставить. Мне представлялось, что я ощущаю, и, наверное, не одна я в этом зале, как трагически сжимается сердце этого титана, так свободно державшего в своей власти покорную ему, чужую толпу. Я подумала: «Вот стоит пожилой человек и утирает пот с бледного, ослупшегося лица; он устал, его заметно гложет болезнь. У этого болезненного человека лысоватый лоб, седые виски, глубокие морщины... Но что он сделал со мной, с моей подругой, с восхищенно скандирующими американцами, с плачущим русским эмигрантом...» За долгие годы многое пришлось пережить... Всякие беды и горести, все было... А вспомню Шалаяпина — и будто камень с души долой, и все беды будто отступят сразу перед этой огромной радостью...

МИР ЕЕ ДОМА

Е. ПАВЛОВА

...Когда гости уже сидели за столом, кто-то робко попросил хозяйку: «Если б вы еще и спели нам...»

Людмила Дмитриевна пригласила свет, взяла в руки гитару и запела. Слова и музыку к песням она создает сама.

Я тогда же пригласила ее привезти свои песни в редакцию «Работницы». Людмила Дмитриевна охотно согласилась. Две из них мы и печатаем сегодня...

РОДНИЧОК

*Родничок на дне оврага,
Как живое сердце, бьется.
Пробирается сквозь травы,
скоро с речкою сольется.*

*Что-то грустно сердцу стало,
по щеке слеза катится,
От слезинки, самой малой,
может песенка родиться.*

*В трудный час пусть мне поможет
это маленькое чудо.
Не красивой, не моложе,
только чуть счастливей буду.*

*Может, кто-то утром ранним
принесет мне два билета,
сяду в поезд дальний-дальний
и куда-нибудь уеду...*

МАКИ

*Цветущие маки, я к вам на свиданье
Аллеями парка поутру спешу,
Где щедрый шиповник
и пчелок жужжанье...*

*Все вижу, все слышу,
все в сердце ношу.*

*В лиловых тычинках
лохматые пчелы,
сбирая нектар, хлопотливо жужжат,
и мир весь беспечный,*

*цветной и веселый,
а красные маки на солнце горят.*

*Цветущие маки. Ах, коротки сроки
и время цветенья, как время
любви,*

*Глядишь, а разлука уже на пороге:
они облетели, они отцвели...*

*Уже лепесточки на землю ложатся,
покорно коснулись холодной*

*земли.
Не надо, не надо на жизнь
обижаться.*

*Спасибо вам, маки,—
вы ярко цвели!*

Никитин подумал, что все прочитанные им книги и статьи о Шаляпине, все собранные фотографии и пластинки создали в его сознании, хоть и любимый им преданно, но обобщенный образ великого артиста. А вот эта скромная пожилая женщина дышала с Шаляпиным одним воздухом, слышала его пение и потому явилась сейчас как бы временной связью между реальным Шаляпиным и его, Никитина, внутренним пониманием мира, из которого никаким давлением, никакими чуждыми влияниями не вытравить законной гордости за великую культуру своего народа.

Рассказчица несколько раз глубоко вздохнула и без очевидной надобности поправляла скрученную на затылке, седеющую косу. В этом движении и в неровном румянце, проступавшем на щеках, было что-то настолько трогающее душу, что Никитин ощутил комок в горле. Он стал искать слова, передавшие бы достойно его сочувствие; и сказать эти слова предполагалось так остроумно и звонко, чтобы печаль ее развеялась без следа. Но он только тихо поблагодарил свою случайную собеседницу, помолчал минуту, попрощался и оставил ее в одиночестве перед картиной, где русоволосый багатырь озирает раздольную голубоватую даль.

Минуло немало времени с той поры; в Москве состоялось траурное торжество, о котором давно мечтали тысячи безвестных и бескорыстных ревнителей шаляпинского гения. На Новодевичьем кладбище, в ряду могил знаменитых певцов Большого театра, теперь и могила Шаляпина; он как бы возвратился к тем, кто продолжал его дело на русской оперной сцене.

Свидетелем траурного торжества был и Никитин. В длинной веренице он приблизился к новому надгробию, положил цветы, и, отойдя, ощутил робкую радость,— не только потому, что поклонился наконец тому, кто являл собой славу русского искусства, но оттого еще, что это возвращалась душа России, что прояснялась и крепла ее память.

Смотрительница выставочного зала, рассказавшая ему когда-то про концерт в Сан-Франциско, тоже была здесь. Ее уже определенно старческое, маленькое личико сияло почти религиозным умилением. Мелкими шажками она двигалась в плотной толпе, ни на кого не глядя и прижимая к груди завернутый в газету букетик.

Никитин хотел поздороваться, но запнулся, испугавшись, что она его не припомнит, и неловкость положения помешает ее тихому ликованию. Как она сумела сюда пройти? Кто помог ей? Ведь достать пропуск на церемонию перезахоронения было чрезвычайно сложно,— Никитин заранее настойчиво добивался его, пустив в ход просьбы и посулы.

Внезапно Никитину пришло в голову невероятное предположение — уж не для того ли хлопоты знаменитых людей и голос общественного мнения объединились и предопределили нынешнее событие, чтобы эта сухонькая старушка в старомодном смешном берете, с завернутым в газету букетиком, могла — и на верное в последний раз — испытать сердцем высокую и нежную радость. Эта мысль, при всей ее невероятности, поразила Никитина. Он снова взглянул на свою давнюю собеседницу. Еще больше просияв, с той же застенчивой и милой улыбкой, она будто увидела над головами людей что-то необычайное, доступное только ей. И Никитину, с каким-то созвучным ее настроению чувством, захотелось, чтобы она все-таки узнала его, поняла, что и он помнит ее и никогда не забудет ее рассказ.

В небольшой квартире Людмилы Дмитриевны Кардашевой всегда тепло и уютно. На стенах картины Валентина Серова — двоюродного деда хозяйки. Кстати, ее прабабка со стороны матери Арганакова приходилась теткой А. Н. Радищеву и, по семейному преданию, спасла и сберегла один из экземпляров «Путешествия из Петербурга в Москву».

Впервые попала я в гостеприимный дом Людмилы Дмитриевны в день памяти ее мужа — известного скульптора Льва Алексеевича Кардашева.

Гости собрались в мастерской, где с необыкновенной бережностью хранятся работы покойного художника начиная от деревянных игрушек, вырезанных будущим скульптором в детстве, и кончая фронтоном, созданным для павильона на ВДНХ, и монументальным рельефом «На реке».

Здесь же и работы самой Людмилы Дмитриевны. Она тоже скульптор, давний член Союза художников. Участница многих выставок. Одна из первых и особенно мною любимых ее скульптур, «Первоклассница», выставилась много лет назад с «Марфиной» С. Коненкова и многофигурной композицией В. Мухиной «Голубь мира». И все-таки долгие годы Людмила Дмитриевна главным для себя считала не столько собственное творчество, сколько служение мужу. Его радости были ее радостями, его печали — ее печалью вдвойне.

Когда Льва Алексеевича не стало, она поняла, что единственный способ выжить — работа. Она закончила и перевела в материал около десятка работ мужа. Выполнила в дереве и гипсе немало собственных скульптур. И неожиданной для себя увлеклась керамикой.

Вдоль лестницы, спускающейся в мастерскую, на обитых черным бархатом стендах таинственно мерцали разноцветные кулоны, бусы, серьги, броши, браслеты... Это тоже работы Кардашевой.